Sagorbim

9 '88

SHOUT
SHARE
IT

- Петр Афанасьев
  -
  -

Петр Афанасьев
Да, это было…
Записки политзаключенного

Я познакомился с П. М. Афанасьевым в 1965 году на встрече с участниками революционных событий в Екатеринбурге.

В первые дни революции Петр Михайлович находился в боевом молодежном отряде, который посылали на такие важные задания, как, например, ликвидация саботажа на телефонной станции. Еще не став коммунистом, он выполнял поручения партии. Именно ему, выпускнику горного училища, доверили переплавку доставленных в Екатеринбург запасов царских орденов и медалей из золота и серебра Финансовый фонд страны пополнили десятки пудов драгоценных металлов.

В июле 1919 года П. М. Афанасьев стал большевиком. По поручению партии работал судьей, прокурором, возглавлял волостную парторганизацию, был инструктором уездного комитета РКП (б). Только в 1928 году стал трудиться по специальности — горняком. Затем учеба в вузе, звание горного инженера и работа в «Севгипроцветмете», тресте «Уралмедьруда» на ответственных должностях.

Я довольно часто встречался с Афанасьевым, но почти никогда не затрагивали мы период после 1937 года, ставший тяжелейшим для многих преданных социалистической родине людей Не принято было тогда говорить об этом.

Петру Михайловичу напомнила о горьких годах Почетная грамота, которая пришла в Свердловск из Норильска в 1960 году Пришла как трудовая награда.

«За безупречную долголетнюю работу, в связи с 25-летием Норильского горно-металлургического комбината имени Завенягина», — говорилось в грамоте, а подписал ее директор комбината В. И. Долгих, ныне секретарь ЦК КПСС.

О его подвиге не забыли. Большое добро сделали человеку. Сейчас это можно. И в те мрачные годы добро нередко помогало политзаключенным, об этом вы узнаете из записок, только слабым было оно, повергнутое злом. Быть может, грамота и подтолкнула Петра Михайловича быстрей, как он говорил, «отчитаться перед детьми, внуками, молодежью о прожитом и о той мрачной поре, которая кроется под именем сталинизма».

Годы, о которых пойдет речь, были сложными, неоднозначными. Газеты сообщают об успехах промышленности и

сельского хозяйства, сверхдальних полетах советских летчиков, о полярной дрейфующей станции, о популярности советского павильона на международной выставке в Париже, о возвращении из эмиграции писателя А. И. Куприна, об окончании строительства качала Москва — Волга, о том, что впервые в стране на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права, при тайном голосовании народ выбрал Верховный Совет СССР.

А рядом — материалы о процессе над троцкистско-зиновьевскими группировками, о переводе в запас генерального комиссара госбезопасности Г. Г. Ягоды, о смерти народного комиссара тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, выступления на пленуме ЦК ВКП(б) о «шпионах» и «изменниках родины»: Тухачевском, Якире, Уборевиче… о награждении М. И. Ежова орденом Ленина за успехи в деле руководства НКВД.

Люди радовались успехам во всех областях жизни, гневно клеймили врагов… Мало кто знал, что к числу врагов отнесено множество патриотов, преданных делу ленинской партии Страны Советов.

П. М. Афанасьев рассказывает о таких, как он, невинных, которых «правосудие» лишило или жизни, или свободы на многие годы. Вера в то, что свобода, справедливость восторжествуют, что ошибки поправит партия, прибавляла им сил и воли в застенках.

Он сел за тетрадь более чем через 12 лет после освобождения. Не мог раньше. Нелегко было писать. В этом вы убедитесь сами.

Аскольд Шеметило

10 мая 1968 года.

Медная промышленность долго была в прорыве. Нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе всерьез взялся за ее подъем. Были увеличены кредиты, снабжение оборудованием и материалами. Трест «Уралмедьруда», где я работал, возглавил Д. П. Федораев, бывший работник угольной промышленности. Человек с большими организаторскими способностями. Руководить Кировградским медным заводом Орджоникидзе назначил лучшего директора с ленинградского завода «Севкабель» А. А. Литвипоза, который получил права уполномоченного Наркомтяжпрома по Уралу. Он мог непосредственно обращаться в наркомат для решения заводских проблем. В 1935 году цветная металлургия Урала впервые за многие годы выполнила план.

…В ноябре 1936 года мы с женой отдыхали в Крыму. При возвращении через Москву в Главмеди узнали неприятную новость: в Свердловске арестована группа работников треста

«Уралмедьруда» во главе с главным инженером треста А. И. Аристовым. Аристов — специалист дореволюционной формации, в Ленинграде профессорствовал, в Ленгипроцветмете руководил проектированием рудников Красноуральского комбината. Считался неплохим специалистом, и Орджоникидзе направил его для усиления работы на Урал.

Обстановка в тресте в конце 1936 и начале 1937 года создалась тяжелая. Обсуждались «последствия вредительства», а в чем они заключались никто не знал. Еще до моего возвращения в Свердловск на трестовском партийном собрании Федораев был исключен из партии. Обкомом это решение не было отменено, но и не было утверждено. В это время через Свердловск из Сибири проезжал заместитель наркома тяжелой промышленности А. П. Серебровский. Федораеву удалось встретиться с ним в гостинице. Серебровский доложил Орджоникидзе. В Свердловский обком ВКП(б) поступила телеграмма Сталина: «Не мешайте Федораеву работать». Обстановка несколько разрядилась, но не надолго. Главным инженером треста по предложению Серебровского был назначен А. А. Грибин, работник золотопромышленности Западной Сибири. За большие трудовые заслуги он был награжден орденом Ленина, персональной легковой машиной. Перевод, очевидно, спас Грибина от репрессии. В Сибири о нем забыли, а на медных предприятиях он только что появился.

21 мая 1968 г.

На пленуме ЦК ВКП (б) в феврале — марте 1937 года в выступлении об уроках вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецких и троцкистских агентов говорилось и о вредительской деятельности в тресте «Уралмедьруда». Приводились «показания» арестованных инженеров А. И. Аристова и В. И. Пучкова. Они носили буквально фантастический характер, в них приводились события, которых вообще в природе не существовало.

Положение на местах после пленума ЦК осложнилось еще больше. Подозрительность стала нормой поведения. В каждом подозревался враг. Производительность труда во всех отраслях резко снизилась. Руководители боялись ответственности и страховали себя от возможных обвинений.

В марте — апреле 1937 года был арестован Р. М. Кац, коммерческий директор треста, толковый в хозяйственных вопросах специалист. В ночь на Первое мая арестовали управляющего трестом Д. П. Федораева. Обязанности управляющего и главного инженера были возложены на А. А. Грибина.

Как из рога изобилия посыпались аресты руководящих работников промышленности, обкомов ВКП (б) и ВЛКСМ, районных руководителей партийных и советских органов, профсоюзных организаций, командного состава армии.

Как депутат Свердловского горсовета я работал в промышленной секции. Собиралась секция один раз в месяц и всегда исключала из своих рядов депутатов, арестованных как «врагов народа». Был арестован и возглавляющий секцию руководитель объединения лесной промышленности.

На горнорудных предприятиях треста один за другим исчезали директора, главные инженеры, начальники ОКСов… Судьба начальника «Лёвихостроя» инженера Руздана своеобразна. Он был в научной командировке в США. По возвращении докладывал о результатах поездки и мимоходом весьма лестно отозвался об американских полисменах. Его обвинили в пропаганде буржуазного образа жизни и исключили из партии. Он апеллировал в ЦКК. В Москве беседовал с членом Президиума ЦКК А. А. Сольцем. В партии Руздана восстановили, но затем снова арестовали. В заключении он погиб.

Директор Пышминского рудоуправления Терехин, рабочий-самородок, скромный человек, знающий руководитель, был арестован только потому, что в партийной анкете самокритично приводил факт своего голосования за позицию Троцкого в двадцатых годах. Этого было достаточно для зачисления его в активные троцкисты.

В мае 1937 года поехал в служебную командировку на Лёвиху, где директором предприятия был Пономаренко, член ВКП (б) с 1917 года, участник гражданской войны. Он считался одним из лучших директоров горных предприятий треста. Несмотря на гнетущую обстановку, Пономаренко держался уверенно и не давал работникам впадать в панику.

Мы с ним договорились встретиться утром для решения ряда вопросов по производству. Однако накануне ночью Пономаренко был арестован. Вскоре арестовали и его жену. Так погиб талантливый директор из рабочих.

Кривая роста промышленности резко снизилась. В Свердловск приехали А. А. Андреев и А. П. Серебровский. В обкоме ВКП (б) собрали техническое совещание коммунистов — руководителей предприятий, трестов и других объединений. В обкоме уже не было первого секретаря И. Д. Кабакова. Покончил самоубийством второй секретарь К. Пшеницин, герой гражданской войны на Дальнем Востоке. Собрались коммунисты, уцелевшие от репрессий. А. А. Андреев свое выступление построил на утверждении, что на Урале враги народа поработали

основательно и что следует начать ликвидацию последствия вредительства. А. П. Серебровский бросил реплику, что вредителям не открутиться от ответственности. Впоследствии сам Серебровский был арестован и погиб.

В июле 1937 года в трест поступило распоряжение Наркомтяжпрома за подписью Серебровского: послать в Карабаш комиссию по ликвидации последствий вредительства. В ее состав вошли Л. В. Ходов (главный маркшейдер треста), В. К. Бучнев (доцент горного института), я был назначен председателем комиссии.

Начали мы свою деятельность с Северо-Карабашского рудоуправления. С его директором П. М. Трухиным я был знаком по учебе в институте. Настроение у него было отвратительное. Рассказал, что партийный комитет ему не доверяет, что он сам каждый день ждет ареста. Главный инженер Горцев и начальник ОКСа уже арестованы. Персонал рудоуправления и шахт занимался не работой, а тем, чтобы обезопасить себя от возможного обвинения.

Директором Южно-Карабашского рудоуправления был горный инженер Кузякин. Главный инженер пропал неизвестно куда. Не исключено, что был арестован. С Кузякиным повторилась история, которая случилась на Лёвихе с Пономаренко. Рудоуправление осталось бесхозным. Я предложил Л. В. Ходову возглавить его с исполнением обязанностей директора и главного инженера. Леонид Васильевич был в ужасе, но ему пришлось согласиться. Забегая вперед скажу: Ходов остался не репрессированным и жив-здоров до сих пор. Быть может, длительная командировка в Карабаш сохранила ему жизнь.

С В. К. Бучневым мы возвратились в Свердловск. П. М. Трухин прощался с нами, и будто готовился к аресту. Предчувствие не обмануло. Его арестовали, но через полгода освободили. В дальнейшем он работал в угольной промышленности в Кизиле, а потом заместителем министра угольной промышленности. В настоящее время руководит совнархозом в Казахстане, Герой Социалистического Труда.

В августе 1937 года по графику мне полагался очередной отпуск. Жена уехала в Воронеж. У нее был девятый месяц беременности. После отпуска мы должны были возвратиться в Свердловск, уже с двумя детьми. В ночь с 13 на 14 августа 1937 года приехал в командировку брат и остановился в нашей квартире. Часа через два после его приезда явились сотрудники областного управления НКВД с ордером на обыск и арест. (Ордер датирован 4 августа, когда я был в Карабаше.) Всю ночь просматривали мою библиотеку. Изъяли документы служебные,

общественные, табеля и похвальные листы учебных заведений. Верх-Нейвинское высшее начальное училище я закончил в 1913 году с наградой первой степени — с похвальным листом и книгою. Книга — избранные произведения Марко Вовчка — была надписана педагогическим советом на бланке с портретами лиц царствовавшего дома (в честь 300-летия дома Романовых). Бланк был вырезан и приобщен к изъятым документам.

Тяжелым было прощание с братом. Но его приезд прояснял для родных мое положение. Иначе я бы бесследно исчез. Солнце уже взошло, когда меня везли в пикапе от квартиры на проспекте Ленина, 52 к управлению НКВД на Ленина, 17. Состояние было тупое. Никак не укладывалось в голове случившееся. В комендатуре внутренней тюрьмы изъяли партийный билет и паспорт. Никакой предварительной «проработки» не было. Вплоть до ареста я руководил кружком в системе партпросвещения.

Поместили на первом этаже в небольшом отгороженном пространстве в тупике коридора, который служил парикмахерской. Я вслушивался в звуки тюрьмы. Налево находилась камера-«брехаловка», в которую привозили на допросы арестованных из общей тюрьмы. В ней было шумно. Зато из других отсеков не доносилось признаков жизни. К вечеру меня перевели в такую же парикмахерскую на втором этаже, где я провел ночь.

10 июня 1968 г.

15 августа 1937 г. — второй день моего пребывания в тюрьме. Утром я стал тщательно обследовать свое временное обиталище. В нем нельзя было сделать и двух шагов. На косяке двери нашел запись директора «Уралэльмашстроя» Проня, который, как и я, провел первую ночь после ареста здесь. В полотне двери обнаружил отверстие, через которое был виден коридор, в конце его стол и сидящий за ним надзиратель. Услышав стук, я прильнул к отверстию и увидел главного геолога треста «Уралмедьруда» А. В. Ефремова. Впоследствии я узнал, что его арестовали в ту же самую ночь. В полдень меня водворили в камеру № 28 на этом же этаже с правой стороны. В ней помещалось пять человек. Шестая кровать была пустой. Раньше, как выяснилось, на ней спал бывший ректор Свердловского горного института Петр Яковлевич Ярутин. С ним я учился в вузе. Он был парттысячником после рабфака, окончил институт по специальности обогатителя.

Камера освещалась окном с решеткой между рамами. С наружной стороны окно на всю высоту было закрыто металлическим «намордником». Свет проникал через верхний

раструб.

Состав сокамерников был пестрый. У окна — мастер Баранчинского электрозавода «Вольта». В чем его обвиняли, он и сам не знал. Рядом с ним — рабочий из Нижнего Тагила, с вагоностроительного завода, перебежчик из панской Польши. Бежал он из армии с товарищем, который работал где-то в Сибири. Был он полуграмотный деревенский парень. Его обвинили в шпионаже без всяких оснований. Третий сокамерник — бывший ленинградский летчик. Переехал работать на Урал. Его каждую ночь вызывали на допрос. После одного вызова он не возвратился. Четвертым оказался немецкий рабочий с Уралмаша. Он был спокоен за свою судьбу: гитлеровское правительство его вызволит. О порядках в СССР говорил с издевкой. Пятый — ветеринарный врач управления Свердловской железной дороги. Его арестовали в день рождения, на домашнем торжестве. Обвиняли в том, что якобы умышленно травил скот, транспортируемый через Свердловскую железную дорогу. Его форсированно допрашивали, сутками держали у следователей. Скоро он исчез.

Меня недели три не вызывали к следователю. Понемногу начал понимать, что аресты, проводимые органами НКВД, не в ладах с принципами революционной законности. Прокурорский надзор отсутствовал. Сидевшие в тюрьме длительное время не помнили, чтоб ее посещал прокурор.

Отбой ко сну во внутренней тюрьме в 22 часа. Подъем в шесть утра. С 6 до 22 часов пользоваться постелью запрещалось. На допросы вызывали, как правило, с 23 часов. Возвращались с них в 3–5 утра. Только улягутся заключенные после отбоя, как начинался грохот открываемых и закрываемых металлических дверей. Все напряжены: не за нами ли? Пришедший с допроса не успевал заснуть, как объявлялся подъем и, значит, пользоваться постелью уже нельзя. Надзиратель через глазок в двери следил, чтобы кто-нибудь не заснул сидя. Передачи запрещены. Заключенный мог получить свидание или передачу только по разрешению следователя, если тот был «доволен» своим подопечным.

После окончания арестантского обеда слышно было, как в некоторые камеры разносят дополнительное питание. Как мне сказали, это кормили «котлетников». Так называли заключенных, которые безропотно подписывали протоколы допроса, сфабрикованные следователями.

Происходила смена обитателей камеры. В нее водворили 73-летнего Мейера, работавшего в объединении «Уралцветмет». Интересный человек. Охотник-медвежатник. Работал когда-то на

строительстве КВЖД, где пристрастился к охоте на тигров. Ходил один на один. Старик еще крепкий. Следователь Мизрах предъявлял Мейеру обвинение в шпионаже. Доказательством служил проспект русско-немецкого спортивного общества, изданный в прошлом столетии. В числе основателей общества значилась фамилия Мейер. Мизрах добивался признания от Мейера, что он был организатором общества, занимавшегося шпионажем. По хронологии получалось, что общество прекратило свое существование еще до рождения Мейера. Мизраха это не смущало.

Очередной сокамерник — директор бактериологического института профессор Кутейщиков. Он явился с вещами, приспособленными для тюремного обихода. Вещевой мешок не имел пуговиц, крючков и кожаных ремешков. Завязывался дозволенными способами. Оказывается, Кутейщиков уже бывал в подобной ситуации и с тех пор хранил под кроватью приготовленный мешок с бельем и сухарями.

Бактериологический институт помещался под одной крышей с областным управлением НКВД. После ареста едва ли не всех научных работников институт был закрыт, а здание полностью заняло управление НКВД. Профессор Кутейщиков впоследствии в тюрьме покончил самоубийством.

Загремел замок и в дверях появился новый сокамерник, на вид лет 18–20. Выражение лица беспомощно-детское. На новичке летний легкий пиджак, надетый на нижнюю рубашку, домашние туфли на босых ногах. Из одного кармана пиджака выглядывало полотенце, из другого — зубная щетка. От Володи Тарика (так он назвался) мы узнали, что он член Свердловского областного комитета ВЛКСМ, ведал пионерской работой.

Всего несколько дней я находился с Володей, но он покорил меня своей любовью к детям. Его рассказы о пионерской работе дышали такой страстью, что иногда забывалась обстановка, в которой мы находились. Как был рад Володя, что для Дворца пионеров удалось отвоевать особняк Харитонова. Перед открытием Дворца Тарика уже отстранили от работы, но он не мог не участвовать в торжестве, тем более что ему и жене прислали пригласительные билеты. Во время торжественного заседания из президиума Володе переслали записку с предложением покинуть зал…

Дела репрессированных комсомольцев вел следователь Парушкин. После первого допроса Тарик вернулся в таком состоянии, что уткнулся в подушку и зарыдал. Парушкин сразу оглушил его грязной, площадной бранью, угрозами, называл врагом народа, принуждал подписать уже заготовленный

протокол «допроса» с гнусными обвинениями.

За семнадцать лет в тюрьмах, лагерях и местах ссылки я встречался с тысячами невинно репрессированных, но арест Володи Тарика особенно поразил меня своей бессмысленностью и жестокостью. Прошло уже более тридцати лет, но образ Тарика стоит перед глазами, как будто мы с ним расстались только вчера.

Когда появилась возможность (после реабилитации в 1954 году), я решил подробно ознакомиться с биографией и дальнейшей судьбой Володи. К сожалению, молодой коммунист Тарик погиб.

Я разыскал Дору Петровну Леонтьеву и Марию Александровну Красовскую, которые работали в обкоме ВЛКСМ вместе с Тариком. Их восторженные отзывы о нем подтвердили мои тюремные впечатления. Они вспоминали, как Володя горел на работе. Лично для себя никогда ничего не требовал. Напротив, товарищам приходилось следить, чтобы его добротой не злоупотребляли.

Тяжелые злоключения достались и жене Володи, Вере Алексеевне Тарик-Зыковой. Ее репрессировали как члена семьи арестованного. От нее я узнал многое о Володе. Его отец — коммунист, переехал на Урал, когда Володя был еще мальчиком. С 1926 года Владимир начал свою работу председателем райбюро пионеров в Каменском райкоме ВЛКСМ. И с тех пор работа среди пионеров стала его призванием. Тарик — участник X съезда ВЛКСМ.

5 сентября 1937 года было ужасным днем для семьи Тарик. Владимира уже уволили с работы. Вера была на последнем месяце беременности. Дети — дочь Эмма семи лет и сын Владик двух лет — не подозревали трагического положения в семье и резвились. Владик неудачно прыгнул и сломал ногу. Врач «Скорой помощи» загипсовал перелом. Не успели заснуть, как стук в дверь — и появились люди, предъявившие ордер на обыск и арест. Владимир отклонил попытку жены собрать его в последний путь и со словами «ничего не нужно» вышел из квартиры в том виде, в каком явился в тюремную камеру. Следователь Парушкин так и не разрешил жене передать арестованному одежду.

23 ноября 1968 года.

Снова прервал жизнеописание на длительное время. Приезжала дочь Ира со своей затянувшейся кандидатской диссертацией. Она работала три месяца с большой нагрузкой. Нам с женой пришлось ей много помогать. Позднее навестил

сын Боря с женой и внуком Мишкой. Боря получил решение ВАКа о присвоении ему звания кандидата физико-математических наук. Очень доволен. А в ноябре Миша снова пожаловал. Правда, он гостил у бабушки в Арамили. В сентябре — октябре отмечалось 50-летие ВЛКСМ. Много выступал перед молодежью. Участвовал 26–28 сентября в областной научно-практической конференции ветеранов.

После вывода из 28-й камеры внутренней тюрьмы Володи Тарика его место занял работник Верх-Исетского райкома ВЛКСМ Александр Ардашев. Дело Ардашева вел тут же «специалист» по комсомолу Парушкин. Он сам был комсомольцем и все активисты города и области были ему знакомы. Ардашев с Парушкиным до ареста находились в приятельских отношениях, бывали с женами один у другого в гостях. Парушкин использовал и это. Убедил Ардашева довериться ему и подписывать все, что он предлагает. В кабинет Парушкина приглашалась жена Ардашева, и они втроем «в непринужденной беседе» обсуждали будущее. Ардашеву гарантировалась работа в Сибири. Там и погиб этот юноша.

После 1956 года я встретился с работавшей до 1937 года в Свердловском обкоме ВЛКСМ Феоктистой Михайловной Коркодиновой. Она по материалам Парушкина была осуждена, но из колымских лагерей перед Великой Отечественной войной вывезена на переследствие. Ее реабилитировали. Устроили ей очную ставку с Парушкиным, который привлекался к суду за истребление партийно-комсомольских кадров. По-видимому, его расстреляли.

В сентябре — октябре 1937 года однажды днем меня вызвали к начальнику отделения лейтенанту М. Б. Ерману. Он встретил меня пояснением, что сознательно длительное время не вызывал: надо-де разоружиться и написать все-все о своей деятельности. Убедившись, что я ничего писать не собираюсь, лейтенант прочитал выдержки из показаний управляющего трестом «Уралмедьруда» Федораева, Федораев якобы признал, что был главой контрреволюционной организации в тресте и лично завербовал в нее Афанасьева, то есть меня. Ерман взял другую бумажку — выдержки из показаний управляющего Ново-Левинским рудником Макарова. Зачитал, что ему, Макарову, Федораев говорил, что им завербован в контрреволюционную организацию Афанасьев, но что он, Макаров, ничего про мою контрреволюционную деятельность не знает.

Ерман приказал мне написать собственноручные признания на основе «показаний» Федораева и Макарова. Я отказался и

требовал очной ставки с Федораевым. «Очная ставка будет, а пока пишите», — заявил Ерман. Дал мне бумагу и посадил в комнату перед входом в его кабинет. Началось «представление»: я сидел над листом бумаги, а мимо меня проходили солидные должностные лица НКВД и по приятельски обращались ко мне: «Здравствуйте, Петр Михайлович! Вы все еще не пишете? Не тяните время!». Некоторые хлопали меня по плечу, хотя я никого из них не знал. Этот прием, оказывается, входил в метод следствия. Мне надоело сидеть. Я беспокоился о здоровье жены. Как у нее прошли роды? Где она? Что с ней? С детьми? Взял лист и начал писать ей письмо. Проходивший Ерман обрадовался, что я «осознал». Но когда понял, что именно я пишу, разозлился. Вырвал письмо и разорвал его.

Через несколько дней меня вывезли из внутренней тюрьмы в городскую. Водворили в спецкорпус — одного в большую камеру. На стене обнаружил надпись, из которой явствовало, что накануне в камере находились 27 женщин — жен ранее арестованных. Среди них была Е. Владимирова, жена директора Уралмаша. Вечером в камеру втолкнули молодого парня, который был в одном нижнем белье. Он назвался Богдановым и рассказал, что приехал в Советский Союз из Китая, с КВЖД. Музыкант. Арестовали в Ростове. Пока везли в Свердловск, уголовники проиграли в карты его заграничную одежду и он сейчас щеголяет в нижнем белье. По его поведению стало ясно, что он подсажен ко мне как осведомитель. Музыкант уговаривал не противиться следователю: все равно сломают. Я пошел на хитрость: надо, мол, написать заявление, да бумаги нет. Богданов забарабанил в дверь. Часа два стучал, пока не вывели. Вечером возвратился и сказал, что у заключенных достал бумаги и огрызок карандаша. В ученической тетради я написал заявление о необоснованности моего ареста. Всю тетрадь исписал. Позже Ерман заявил с издевкой, что он выбросил ее в корзину.

На другой день меня снова повезли во внутреннюю тюрьму и водворили в камеру на третьем этаже, где уже содержались Л. С. Владимиров, директор Уралмаша, и С. Высочиненко, секретарь Пермского горкома партии.

Высочиненко в юношеские годы был генеральным секретарем ЦК комсомола Украины, а в начале 30-х годов первым секретарем Ленинского райкома партии в Свердловске.

Владимиров имел большой авторитет в области. Я считал, что из общения с ними мне станет яснее, что делается. Но… ошибся. Оба они подписали протоколы «допроса», признались в шпионских, вредительских и других преступлениях. Когда они узнали, что от меня требует Ерман, то дуэтом уговаривали

согласиться, так как это сущая ерунда по сравнению с тем, что они подписали.

Я знал, что Владимирова ценили Орджоникидзе и Сталин. В начале 1937 года Владимиров был на заседании Политбюро по делам Уралмаша. По окончании заседания к нему подошел Сталин и осведомился, почему он, Владимиров, мрачный. Владимиров заявил: «Тяжело стало работать. Многих начальников цехов и инженеров арестовали. Оставшиеся работают без энтузиазма…» Сталин пообещал помочь, и действительно в адрес обкома ВКП (б) поступила телеграмма за подписью Сталина: «Не мешайте Владимирову работать». Пару месяцев дела шли хорошо, а потом последовал арест Владимирова.

Настоящая фамилия Владимирова — Островский. В 1917–1918 годах он партизанил на Украине под вымышленной фамилией Владимиров. Впоследствии так и оставил эту фамилию себе. При фабрикации его дела Ерман сочинил версию, что он выкрал документы убитого красноармейца Владимирова и присвоил его фамилию, чтобы скрыть свое преступное прошлое. Насколько мне известно, Владимиров подписал и это обвинение.

Когда я сказал Владимирову, что видел на стене камеры фамилию его жены, он был поражен. Ерман уверял его, что жена на свободе. Ерман вынужден был подтвердить, что жена арестована, и устроил им свидание. На свидании жена вела себя мужественно, а сам Владимиров находился в состоянии истерии. Е. Ф. Владимирова в 1935 году участвовала во Всесоюзном женском совещании в Москве. Г. К. Орджоникидзе лично вручил ей орден Трудового Красного Знамени за организацию движения жен хозяйственников и ИТР.

В январе 1938 года Владимиров и Высочиненко были судимы выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Когда их вывели из камеры, минут через 20 меня из этой камеры перевели в смежную, где находились трое заключенных. Среди них директор Молотовского завода в Перми. Имя Молотова, по его словам, положительно сказывалось и на кредитах заводу, и во всяких льготах. Директор, выезжая в Москву, даже останавливался в квартире Молотова, а в последнюю командировку катался с ним на лыжах. Молотов подзадорил его скатиться с крутой горки — и директор при спуске сломал ногу. Лежал в кремлевской больнице, где его и арестовали.

Через пару дней в эту камеру поместили бывшего командира Тюменской дивизии. Он поведал свои злоключения» Примерно за год до переживаемых событий комдив был демобилизован и уехал в Свердловск, где устроился преподавателем по военным дисциплинам. Получил жилплощадь и поехал в Тюмень за

семьей. Ему пришла в голову шальная мысль на прощание посетить в Тюмени театральное представление в военном клубе. Жена его отговаривала, предлагала уехать немедленно. Он настоял. Когда возвратились из клуба, следом явились сотрудники Особого отдела, арестовали и отправили в Свердловское областное управление НКВД. Там на него никаких материалов не было даже по нормам 1937 года, и сотрудники первое время не знали, что с ним делать, кормили его провизией из буфета, а на ночь оставляли тут же, в служебном помещении.

Комдив по национальности был башкир, и начальник Особого отдела попросил его прочитать для сотрудников лекцию на тему «Национализм в Башкирии». На другой день «лектору» дали подписать протокол допроса, в котором он признавал себя одним из идеологов контрреволюционного национализма в Башкирии. Предполагалось, дескать, создание национального правительства, в котором ему намечалось занять пост военного министра. Дня два увещевали его подписать «протокол допроса». Он отказывался и говорил, что Это чушь и что если бы он подписал протокол, то Особому отделу пришлось бы за это отвечать. «Ну вот и подпишите для курьеза», — подзадоривали его. «Давайте подпишу! Но пеняйте на себя!» — заявил комдив и… подписал. На него завели дело, и он появился в нашей камере. Рассказывал он с юмором и издевкой над сотрудниками Особого отдела. Когда же в камере ему разъяснили трагизм его положения, пелена с его рассудка упала. Он бросился к дверям, застучал, требовал вызова в Особый отдел. Ночью его увели…

Меня передали другому следователю — Монзину. Монзин вел следствие своеобразно. Несколько раз поговорил со мной, причем проглядывало что-то вроде сочувствия. С вечера вызывал меня. Я сидел в его кабинете и молчал. Он занимался своим делом, не обращая на меня ни малейшего внимания. Под утро справлялся по телефону — ушел ли начальник. Если ушел, то Монзин сейчас же вызывал из караульного помещения выводного и отправлял меня в камеру. И так много-много раз. Накапливал количество вызовов на «допросы».

Через некоторое время мной опять занялся Ерман, который применил «конвейер». Совсем не пускали в камеру. Днем со мной сидел молодой следователь Годенко, а ночами — практиканты. В их задачу входило не давать мне спать. Время от времени справлялись, не надумал ли я писать показания. Закончился «конвейер» гнусной провокацией. 12 декабря 1937 года, в день выборов в советские органы власти, Ерман был дежурным по областному управлению НКВД и с ним следователь Годенко. Жена, еще не оправившаяся после перенесенных ею родов в

Воронеже, приехала с новорожденным сыном в Свердловск. Ерман и Годенко вызвали ее в управление, посадили в коридор и приказали не подходить, когда меня поведут мимо. Когда я увидел бледное лицо сидящей на табуретке жены, то бросился к ней, обнял ее. Конвоир и появившийся Годенко оторвали меня от жены и увели в кабинет. Годенко дал мне прочитать заготовленный протокол «допроса», где значилось, что я признаю себя виновным и в последующих протоколах допроса сделаю дополнительные показания. Годенко повелительно сказал мне: «Если не подпишете, жена не выйдет отсюда и будет арестована; новорожденного сына, как оставшегося без присмотра, сдадим в детское учреждение». Я был в отчаянии. Я подписал протокол. Жену ввели в кабинет, и мы с ней пробыли вместе несколько минут. Встретились мы с Ниной после этого свидания через 10 лет в Норильске.

Мои требования через тюремный надзор вызвать на действительный допрос успеха не имели. Ерман считал, что достаточно той фальшивки, которую они получили от меня 12 декабря 1937 года. Началось мое скитание по двум тюрьмам — внутренней и городской.

Обычно камеры, особенно общие, были переполнены. Каждый новый обитатель начинал продвижение от параши. С выводом из камеры старожилов новичок продвигался сначала под нары, а потом становился счастливым обладателем нар. Никаких постелей не полагалось. Меня же перевели в одиночную камеру спецкорпуса. Помещение мрачное, маленькое зарешеченное окно под потолком. На стене зловещие надписи. Несколько ветеринарных врачей из Красноуфимска ждали приведения в исполнение смертного приговора. Последняя дата на стене — вчерашний день. В углу у двери печь, отапливаемая дровами. Печь на две камеры. Топка в коридоре. По «азбуке декабристов» из соседней камеры посоветовали найти у печки на полу отверстие, через которое можно разговаривать. Сотрудник железнодорожной газеты «Путевка» Евсеев поведал о трагедии ветеринарных врачей. Их дело вел начальник отдела НКВД Варшавский. Он устроил врачам в отделе роскошный обед с фруктами. Договорились, что в Красноуфимске они выступят обвиняемыми на судебном процессе, признаются во вредительских действиях (травле скота и пр.). Их для виду осудят на разные сроки, а потом освободят. Обман удался. После оглашения смертного приговора они закричали, что их обманули. Но было уже поздно.

Через пару дней ко мне подселили австрийского коммуниста Лябуна, который работал в Москве, в органах Коминтерна.

Привезен в Свердловск для оформления дела. Подписал материалы обвинения не читая. Не захотел знать, какие страшные обвинения предъявляются ему.

Из городской меня вскоре опять перевезли во внутреннюю тюрьму. В камере на первом этаже находился инженер Державин из города Березовского. В Свердловске, в тресте «Уралзолото», работал его родной брат, о его аресте инженер узнал необычно. Его вызвали к парикмахеру, аккуратно выбрили, а затем — к следователю. Вскоре в кабинет следователя вошла жена брата. Она бросилась к нему, обняла со словами: «Разве ты тоже арестован?» Следователь понял, что привели не того Державина.

Недолго я пробыл в этой камере, перевели в другую, где сидели два работника цветной металлургии. Один из них — инженер-обогатитель Красноуральского медного завода Симонов.

В цветной металлургии Урала были два крупных специалиста-обогатителя — Симонов и Попов. Обогащение в то время было молодой отраслью промышленности. Появилось оно, когда перешли к отработке бедных руд. Оба обогатителя в 1937 году были арестованы и погибли. Симонов рассказывал, что в обвинении ему записали потери золота, неизбежные при обработке золотосодержащих руд. Подсчитали за 10 лет, получилась внушительная цифра.

Мною следователи не интересовались и лишь время от времени перебрасывали из камеры в камеру. Так я оказался вместе с директором Алапаевского завода. Больной человек с ослабленным зрением. Плохо передвигался. На прогулки ходить, не мог. Вши буквально кишели на его одежде. Он уже был арестован в 1936 году, но по каким-то причинам освобожден. Чувствовал, что новый арест неизбежен, и решил покончить самоубийством. Через железнодорожные пути станции Алапаевск перекинут мост для пешеходов и транспорта. Он на автомашине остановился над линией, по которой шел поезд, и сверху бросился на пути под паровоз. Машинист успел остановить состав. Изувеченного самоубийцу отвезли домой, а вскоре арестовали. Он мне понравился: рассуждал как настоящий большевик-ленинец. Попытку самоубийства осуждал.

Рядом с нашей была женская камера. Содержались в ней две коммунистки — Горина и Умнова. Надежда Степановна Горина трудилась в профсоюзе работников связи. Ее муж Вениамин Алексеевич Усталов, член ВКП(б), был инженером строительства Дегтярского рудника. Его арестовали как члена семьи «врага народа». Как второстепенное лицо он находился в общей камере городской тюрьмы. Был старостой камеры, где содержалось более 100 заключенных. Надежда Степановна получала от него письма.

Она была осуждена Военной Коллегией Верховного Суда СССР и реабилитирована после 1954 года. В, А. Усталова как члена семьи в 1938 году освободили (в то время осуждали к срочному заключению только членов семей, приговоренных к высшей мере). С ним я встретился в 1956 году по приезде в Свердловск. Он работал главным инженером проектного института «Унипромедь».

В начале лета 1938 года меня в последний раз перевезли из городской тюрьмы и поместили в так называемую КПЗ (камера предварительного заключения) в подвале под областным управлением милиции. Здесь, по-видимому, когда-то краткосрочно помещались уголовники. В период массовых арестов 1937–1938 годов КПЗ была филиалом внутренней тюрьмы НКВД. Неприспособленный подвал затоплялся ливневыми водами.

Когда мы заселили камеру, на койке, которая досталась мне, лежал матрац, середина которого была пропитана кровью. Пришлось перевернуть его. У дверей камеры около плинтуса обнаружили запись: «Погибаем от пыток. Палачи Гайда, Мизрах, Парушкин, Варшавский. Группа комсомольцев». По верху филенки на полутораметровой высоте азбукой Морзе сообщалось, что сидел здесь уполномоченный НКВД по Нижнему Тагилу.

Разговорился с В. В. Каоугалем, начальником ОКСа областного управления НКВД. Как строитель он хорошо знал расположение подвала КПЗ. По его объяснению, в подвале вдоль проспекта Ленина имеется несколько комнат, в том числе прокурорская, где приводятся в исполнение смертные приговоры.

Товарищем по заключению оказался и главный инженер Главэнерго, бывший главный инженер Уралэнерго Ладогин. Бывалый матрос, участник гражданской войны, член ВКП(б) с 1917 года, он стал талантливым инженером. Арестовали его в Москве и привезли в Свердловск. Путем всяческих ухищрений следователь убедил его, что дело не в нем, а нужно сфабриковать материалы так, чтобы можно было предъявить английскому правительству неоспоримые данные о их шпионской деятельности против Советского Союза (Ладогин был в длительной командировке в Англии). Как мог такой умный, эрудированный коммунист хотя бы на время поверить явной чепухе, но поверил. Несколько дней Ладогин и следователь дружно фабриковали протокол допроса о шпионской деятельности. Следователь составлял, а Ладогин исправлял, чтобы материал выглядел правдоподобней. В разгар согласованной работы Ладогина вдруг перестали вызывать к следователю. У него наступило прояснение. А в августе 1938 года

Ладогина пропустили через выездную сессию Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Председатель сессии Зарянов не стал слушать его объяснений, а закричал: «Уведите от меня этого шпиона!»

Четвертым сокамерником был юрист, член Московской коллегии защитников. В Свердловске не работал и даже не приезжал. Очевидно, Свердловское управление НКВД помогало московским коллегам обрабатывать тех, кто был намечен для репрессий. Юрист рассказывал, что ехал из Москвы в одном арестантском вагоне с авиаконструктором Туполевым. Туполева провезли дальше в Сибирь.

Пятый — работник треста «Уралцветмет», хозяйственник. И, наконец, шестой — Тююшев, рабочий Верх-Нейвинского завода. Типичный уральский рабочий, сохранивший старинный уральский говор, бесхитростный труженик. Бессмысленность его ареста поражала. О причинах ареста сам он объяснял так. В Невьянском районном управлении НКВД работал его племянник, с которым у него были какие-то имущественные споры. Племянник грозил «упечь» дядю. Тююшев — инвалид первой мировой войны. Оба большие пальцы рук прошиты пулеметными пулями и торчали в разные стороны. В Невьянске над ним издевались, заставляя часами стоять в углу. Однажды он не выдержал, снял брюки и опорожнился в кабинете следователя. Он часто вспоминал, что следователь обругал его так, как теперь «буржуев называют». Мучительно долго вспоминал, как именно, но не мог. Однажды ночью вспомнил, разбудил соседа и сказал: «Следователь назвал меня «пашистом!». Это оскорбление он считал самым тяжелым.

Ночью с 8 на 9 августа 1938 года меня вызвали к Ерману. Когда проводили по нижнему этажу внутренней тюрьмы, я понял, что приступила к работе Военная Коллегия Верховного Суда СССР. Как и в январе 1938 года, на время ее работы обычный надзор тюрьмы осуществлялся работниками милиции старших званий (со шпалами в петлицах). Коридор застлан коврами, надзорные в мягкой обуви неслышно подходили к волчкам дверей, где сидели те, кто ждал осуждения.

Оказалось, что Военная Коллегия ке удовлетворилась материалами моего дела, и Ерман решил провести очную ставку с главным геологом треста «Уралмедьруда» Аркадием Васильевичем Ефремовым, первооткрывателем крупного на Урале Лёвихинского месторождения. Я уже отмечал, что арестовали нас одновременно. В тюрьме мы с ним не встречались, но «тюремное радио» говорило, что он ке поддается ни на какие провокации. Когда я вошел в кабинет, Ерман приказал мне сесть на стул при

входе. На другой стороне комнаты за столом сидел Ерман, справа от него сотрудник, который вел протокол очной ставки, а слева — Ефремов. Ерман задавал вопросы Ефремову. Ответы меня поразили. Ефремов подтверждал, что был завербован Федораевым в контрреволюционную организацию в тресте «Уралмедьруда», и подробно рассказывал о своем участии в контрреволюционной организации. Однако на последний вопрос: «Что вам известно о контрреволюционной деятельности Афанасьева?» после некоторого замешательства сказал: «Я слышал от Федораева, что Афанасьев им завербован. Но я о какой-либо контрреволюционной деятельности Афанасьева ничего не знаю». Я в свою очередь категорически отверг предъявленные мне обвинения.

Под утро 9 августа в камеру вошел прокурор и вручил мне отпечатанное на машинке и никем не заверенное обвинительное заключение, из которого явствовало, по какой статье я предаюсь суду Военной Коллегии. Когда я прочитал его, то понял, что эта ночь будет для меня последней. По натуре я не особенно храбрый человек, но мысль о близкой смерти не вызвала тяжелых переживаний. Я устал от такой жизни. Решил поспать и крепко заснул. Разбудил стук в дверь надзирателя. Он дал мне мешок с биркой, предложил сложить вещи, на бирке написать свою фамилию.

8 августа 1938 года — первый день выездной сессии. Я попал на второй день. Уже по пути, который я проделал «на суд» и обратно, я познакомился с техникой молниеносного рассмотрения дел Военной Коллегией. Из подвала КПЗ выводили очередного заключенного и заводили в дровяник против окна моей камеры, чтобы он не столкнулся с тем, кого уже вели с суда. Потом из дровяника заключенный перемещался в небольшую комнату рядом с помещением, где заседал суд. Под «зал заседания» отвели место у одного входа в здание областной милиции. Выходную дверь закрыли и наглухо задрапировали плотной материей. Спиной к задрапированному входу сидел состав Военной Коллегии: председательствующий Зарянов, справа военный с ромбами в морской форме и слева тоже военный с ромбами. С краю за небольшим столиком сидел секретарь в чине капитана. Справа от входа стояло ведро с кружкой, от которого резко пахло валерьянкой. Стояло несколько скамеек для «зрителей», роль которых выполнял следственный аппарат управления НКВД.

Когда меня ввели и остановили там, где полагалось, впереди лицом ко мне стоял конвоир. «Ел глазами». Второй конвоир находился сзади. Судебное следствие было молниеносным.

Зарянов удостоверился, что я Афанасьев, и спросил, знаю ли, в чем меня обвиняют. Мой ответ: «Сегодня ночью получил никем не подписанный, напечатанный на пишущей машинке текст обвинительного заключения».

Зарянов: — Признаете ли себя виновным?

— Нет, не признаю.

— Что вы хотите от суда?

— У меня против партии и Советского государства никакой вины нет. Если признаете меня виновным, то уничтожьте. Исправляться мне не в чем.

Зарянов: — Учтем. Уведите.

Сейчас для меня непонятно мое стремление к смерти. Видимо, целый год бессмысленного нахождения в следственной тюрьме, да еще в тяжелейших условиях, породило такое состояние.

Меня увели в КПЗ. Камера с нарами без окна. Капитальная стена выходила на проспект Ленина. В камере находилось шесть заключенных, которые прошли судебное следствие. Среди них оказался Аркадий Васильевич Ефремов. Он со слезами бросился мне на шею и объяснил свое поведение на очной ставке. Целый год он стойко держался и не соглашался подписывать провокационные протоколы. Дня три назад он заявил Ерману, что ему все надоело, что он хочет умереть и согласен подписать все, что ему предлагают. На мой вопрос, действительно ли ему говорил Федораев о моей вербовке в контрреволюционную организацию, Ефремов ответил, что такого разговора у него с Федораевым никогда не было. Ерман его убедил, что такие показания будто бы дал сам Федораев.

Когда число прошедших «судебное следствие» достигло 10 человек, нас по одному стали выводить в зал суда для заслушивания приговора. Осужденных к смерти уже никто не видел. Их уводили в подвал помещения, о котором говорил В. В. Каоугаль. Вход в подвал был выстлан коврами. Когда пришла моя очередь, меня быстро ввели в зал, и Зарянов приступил к оглашению приговора. Я признавался виновным по всем статьям обвинительного заключения. Мой слух уловил единственное фактическое обвинение: я так вел капитальное строительство на предприятиях треста, что вызвал пожары на рудниках. За весь год ни один следователь об этом и не заикнулся. Не было этого и в обвинительном заключении. А вот в приговоре этот «факт» оказался доказанным. Приговор: 12 лет тюремного заключения, 5 лет поражения в правах, конфискация имущества. При выходе из зала суда обвинительное заключение изъяли.

Ночью всех перевезли в городскую тюрьму. Поместили в

камеру, которая была вспомогательным помещением и не имела в двери традиционного волчка. Стояли жаркие душные дни и ночи. Мы изнемогали в непроветриваемом помещении. Многие заболели. У меня вся спина покрылась сыпью (потница). Спали вповалку на полу.

Рядом со мной лежал М. К. Степанченко, с которым мы встретились вторично. Он спросил: «Кто это плакал и обнимал тебя в камере КПЗ?». Я ему рассказал о трагической гибели А. В. Ефремова. Был в числе осужденных к 12 годам тюремного заключения и главный инженер ОКСа Лёвихинского рудоуправления Труфанов. Познакомился с Володей Бубновым, бывшим секретарем Пермского горкома ВЛКСМ, которого и в тюрьме не покидала комсомольская жизнерадостность.

Началась отправка осужденных Военной Коллегией в стационарные тюрьмы. В сентябре 1938 года пришел и мой черед.

7 января 1969 года.

Еще один год разменял. В октябре 1968 года при обкоме ВЛКСМ создан совет ветеранов партии, комсомола, войн и труда. Мне поручено руководить секцией ветеранов труда. Общественная деятельность, включая выступления с докладами в молодежных организациях, отгоняет мысли о старости. А она идет. Никуда не денешься. В связи с 50-летием комсомола ЦК ВЛКСМ наградил меня почетным юбилейным знаком.

В один из сентябрьских вечеров 1938 года в камеру явился конвой для этапирования оставшихся осужденных. Вызывали группами по 8–10 человек, проверяли по спискам и в военном фургоне увозили на железнодорожную станцию Свердловск, где и водворяли в арестантский вагон. Маневровый паровоз повел вагон на прицепку в хвост поезда Свердловск — Ленинград. Обитатели арестантского вагона между собой не общались. Купе закрывались плотным материалом, чтоб не было видно, кого проводят в уборную. При посадке снабдили хлебом и селедкой на все время пути.

На станции Званка вагон отцепили и только через сутки прицепили к мурманскому поезду. Куда нас везут? Степанченко работал в Мурманской области и безошибочно определил — на Соловки. И действительно, вагон по железнодорожной ветке подали на пристань Попов остров. После длительной стоянки заключенных погрузили на морской катер «Слон» (Соловецкий лагерь особого назначения).

Тяжело было проходить к катеру мимо стоявшего у пирса

немецкого лесовоза с фашистской свастикой на борту. Команда глазела на нас, идущих под конвоем.

Часа два шел катер к Соловкам. Мрачные стены кремля наводили уныние. Холодный, сильный ветер мешал двигаться. Степанченко совсем обессилел и не мог идти. Пришлось взять его багаж.

Нас приняли сотрудники тюрьмы и почти сразу повели в баню. После мытья холодной водой выдали тюремную одежду. Объявили карантин. Недели через две-три он кончился, и мы со Степанченко расстались: нас разместили в разные камеры. Я попал в мезонин трехэтажного монастырского здания. Здесь была просторная монашеская келья с двумя окнами на залив, где приставали катера прибрежного плавания. Окна снаружи на всю высоту задраены деревянными «намордниками» с раструбами вверху. В камере помещалось 6 человек. Подобраны были осужденные Военной Коллегией из разных областей СССР, все с тюремными сроками на 12 лет. Мы тогда еще помнили свои обвинительные заключения и быстро выяснили, что тексты документов сфабрикованы по единому стандарту. Менялись только собственные имена, места проживания и работа.

Арестантская жизнь строго регламентирована. Подъем. Оправка. Завтрак. Получасовая прогулка в деревянных боксах. Обед. Ужин. Отбой. Пищу через «кормушку» в двери передавал надзиратель. Гимнастика запрещена. Книг почти не давали, хотя библиотека была. Одного из нас посадили в карцер за то, что он якобы через книгу пытался установить контакт с другими заключенными.

Связь с женой после декабря 1937 года у меня оборвалась. При опросе тюремной администрацией, с. кем желаю переписываться, я указал свердловский адрес жены и воронежскую прописку тещи. Все сокамерники получили письма от родных и денежные переводы, а я — нет. Однажды, когда принимали заявку на продукты через тюремный ларек, я выписал «на ура», хотя меня не извещали о поступлении перевода. Рисковал попасть в карцер. Продукты неожиданно получил, а через день меня ввели в пустую камеру, где дали прочитать письмо от жены. Она сообщала, что в течение целого года через следователя Гайду посылала ежемесячные денежные переводы, отправила и сапоги, когда Гайда сказал, что мне они нужны. Первый денежный перевод я получил лишь через полгода. (Забегу вперед: Гайда был арестован в 1940 году. Сначала осужден к тюремному заключению на 10 лет, а потом расстрелян).

Сокамерники со временем надоели один другому. Что[1] было интересного у каждого, все уже знали. Начались бессмысленные

ссоры. Тюремное безделье убивало все человеческое. У одного заключенного появились на спине болячки-струпья. Он длительное время вызывал врача. Наконец в форточке-кормушке появилась голова молодого человека, назвавшего себя доктором. Заболевшему было приказано стать у своей койки и снять рубашку. Молниеносный осмотр спины через форточку и резюме: «Помощь не нужна». Форточка захлопнулась.

…Наступила весна 1939 года. Из окна доносился голос кукушки. Детвора звенела по-весеннему. Открылась навигация. В бухте слышны гудки судов, поддерживающих связь острова с материком. Тюремное прозябание становилось все невыносимее. И вдруг началось что-то необычное. В коридоре послышалось движение, обычно заглушенные шаги надзора сменились громким топотом. Вскоре нас стали вызывать на медицинский осмотр. Мы терялись в догадках.

Однажды всех обитателей камеры повели в соседнее монастырское помещение, в обширную комнату, уже заполненную заключенными. В ней стояли железные кровати с постельными принадлежностями. От массы новых людей кружилась голова. Начались знакомства, разыскивались земляки. Странный вид был у людей в арестантском обмундировании. Ситцевые брюки имели желтые лампасы. На рубашках и бушлатах обшивались воротники и полы, а на спине бушлата что-то вроде бубнового туза. Многие объясняли, что желтые пятна — хорошая цель, если заключенный совершит побег.

Всех узников разбили на три смены. На острове начались круглосуточные земляные работы. Шло строительство аэродрома на берегу залива, делали дренажи вокруг зданий Соловецкого лагеря, сооружали фундаменты для какого-то большого здания на месте старого монастырского кладбища. После длительного безделия заключенные работали с большой энергией.

Те, кто трудился на берегу бухты, первыми увидели, что на рейде встало большое морское судно. Оно было для нас.

В солнечный день началась погрузка на лесовоз «Буденный». Чрево судна было приспособлено к перевозке людей: установлено шесть этажей деревянных нар по левому и правому бортам на всю высоту. В кормовой части уже находилось 400 заключенных» уголовников, которых погрузили в Архангельске. Всего арестантов было до трех тысяч. Мы со Степанченко разместились на четвертом этаже. Никаких постельных принадлежностей не полагалось. В Соловках выдали личные вещи. Они пригодились. Из вещей мы соорудили постели. Началось труднейшее морское путешествие совместно с судами Карской экспедиции 1939 года.

Спасательных средств на лесовозе не было. Позже ходили

слухи, что когда началась Великая Отечественная война, «Буденный» торпедировала немецкая подводная лодка, и с живым грузом он ушел на дно. Мы дошли благополучно, хотя ох и тяжел был путь. На борту устроили небольшую будку — одноместную уборную. Круглые сутки здесь стояла очередь. Ведь ехал трехтысячный отряд, а во-вторых, подъем на палубу, на свежий воздух из затхлого трюма доставлял наслаждение. За несколько минут можно было окинуть взором неоглядные просторы моря с их тяжелыми, свинцовыми громадами волн. Иногда на горизонте появлялись шлейфы дымов судов Карской экспедиции.

Однажды лесовоз встал на якорь. Пополнялись запасы пресной воды и топлива. Недалеко стоял на якоре ледокол «Ленин». По палубе ходили люди, сушилось выстиранное белье. Тягостно было смотреть на эту картину нормальной человеческой жизни.

Среди заключенных организовалась группа активистов из более ловких и пронырливых. Командование лесовоза уполномочило их получать и распределять среди едущих хлеб, сахар и пр. До шторма на палубе готовилась горячая пища, а затем перешли на сухое питание. Мучительно не хватало воды. Ее опускали на веревке в ведре с верхней палубы. Уголовники сосредотачивались на каком-либо этаже и перехватывали воду.

За время путешествия познакомились с товарищами по несчастью. В этапе не было крупных партийных и советских работников. По приговорам военных коллегий они остались навечно там, где их судили. Из сослуживцев по «Уралмедьруде» на лесовозе оказались В. М. Суворов, Р. М. Кац и Б. Б. Зееман (все беспартийные специалисты). Работники свердловского облплана Истомин и Фукс ехали больными. По приезде в Дудинку Истомин умер, Фукс скончался позднее в Норильске. Румянцев из Магнитогорска также вскоре после приезда умер в Дудинке. Председатель одного из райисполкомов Свердловска Фоминых перед второй мировой войной был из Норильска вывезен в Свердловск, реабилитирован, но вскоре умер.

На восьмой день морского путешествия лесовоз бросил якорь против Дудинки. Береговой катер начал переброску прибывших на берег. Первыми вывезли уголовников, которые уходили отягощенные вещами, награбленными у узников. Мы со Степанченко переночевали последнюю ночь на нарах лесовоза. Утром 18 августа 1939 года и нас погрузили на открытые платформы узкоколейной железной дороги, которой тогда был связан Норильск с Дудинкой. На дорогу выдали по банке рыбных консервов, которые тут же были съедены.

Поезд двигался медленно, но, к счастью, погода была не

холодная, что за 69-й параллелью редко. сть. Оказалось, что мы прогадали, попав в последний эшелон. Мы ехали в единственном составе, который не дошел до Норильска. Нас выгрузили в тундре километрах в восьми от города. На склоне горы Надежда виднелись лагерный пункт и объекты угольной штольни.

Начался тяжелый марш по мокрой, чавкающей под ногами тундре. Обессиленные обладатели багажа бросали его на дороге. Лишь бы самим добраться. Прибывших расселяли в земляные бараки, которые наскоро были построены. Зону еще не огородили колючей проволокой и обозначалась она колышками. Предупредили, что выход за «зону» считается побегом и оружие будет применяться без предупреждения. До нашего прибытия на «Надежде» уже была группа арестантов. Они встретили нас на правах старожилов. Меня, как горняка, потянуло на породный отвал, который отсыпался в зоне. На отвале встретился с двумя, судя по одежде, узниками. Один из них назвал меня по имени. Он оказался Сергеем Коноваловым, которого я когда-то знал, как окрвоенкома из Ирбита. В момент ареста он был уже начальником Свердловского областного управления местами заключения. Второй тоже свердловчанин — Леонид Копуллер, заведовал хозяйственными делами Свердловского обкома партии и облисполкома. Обоих привезли из Полтавской тюрьмы.

Провели регистрацию прибывших. Не разобравшись, я записался у первого стола и ошибся — попал на общие работы по прокладке узкоколейной железной дороги от угольной штольни до рудного карьера. Как потом выяснилось, за следующим столом регистрировали для работы в самой угольной штольне. Подземная работа лучше во всех отношениях — не на пурге, не в холоде. Но было уже поздно. Земляные работы, отвозка грунта в тачке в условиях Заполярья была очень тяжела. Такой труд требовал у си* ленного питания. После смены многие, и я в том числе, ходили на кухню помогать поварам-уголовникам чистить картошку, носить снег для таяния. Перепадал дополнительный кусок. Без этого выдержать было трудно. Тех, кто не выполнял норму, кормили «гарантией» — мизерным тюремным пайком. На «гарантии» люди скоро выбивались из сил и кончали моргом. Коновалов как-то сказал руководителям штольни, что чернорабочим на стройучастке работает горный инженер, те предприняли попытку взять меня в штольню, но воспротивился прораб-строитель — я числился одним из лучших рабочих.

Вспоминается первое утро выхода на работу. Еще не оправившиеся от изнурительного путешествия, все спали крепко. Вошел нарядчик из заключенных-уголовников. Приторно-слащавым голосом объявил: «Вставать пора! На работу,

товарищи!» Все спят. Голос нарядчика загремел: «Вы что? Так вашу перетак… На курорт приехали? А ну живо! Марш из барака…» На верхних нарах остался лежать больной. Начальник конвоя, здоровенный верзила, поднялся к нему.

— Чего не встаешь?

— Болен.

— Есть разрешение медпункта?

— Не был у врача.

Верзила схватил больного, как пушинку, и бросил на пол. Бедняга вскочил и, качаясь из стороны в сторону, вышел из барака. Вскоре он умер.

Наш этап весь переболел дизентерией и куриной слепотой. Бани в зоне «Надежда» не было. В санитарный день водили мыться в Норильск. Связь с городом была скверная. Из зоны выходили при хорошей погоде, а когда спускались в норильскую впадину, там бушевала пурга. Пропускная способность бани была такая, что нас делили на три группы. Одна моется, две ждут на морозе. А когда мылась третья группа, то первые две замерзали на улице. Многие погибли от этой бани.

Первая заполярная зима показала себя. Страшные, черные пурги. Черные буквально. В двух-трех метрах ничего не видно. В последующие годы эту черноту как-то уже не замечали.

Часто заключенных выгоняли на расчистку железнодорожных путей. С горькой усмешкой читал я в «Молодом коммунисте» № 9 за 1968 год очерк В. Москалева о Норильске: «А. П. Завенягин… создавал комсомольские ударные бригады, которые пробивали траншеи в снегу, чтобы по ним мог пройти железнодорожный состав. В эти бригады шли все комсомольцы…» Если в бригадах и были комсомольцы, то бывшие, осужденные, реабилитированные лишь после 1953 года. Многое для снегозащиты железнодорожной колеи сделал заключенный инженер Попов, который изучил силу и направление ветров. По его расчетам были установлены постоянные и переносные щиты.

Однажды по трассе строящейся узкоколейки проходила группа начальствующего состава. В идущем позади я узнал горного инженера В. Н. Масленникова, с которым работал в Свердловске, в «Севгипроцветмете». Он узнал меня и пообещал устроить в проектное управление. Слово свое Масленников сдержал. Итак, я в Норильске. Когда перезнакомился с проектировщиками, то они оказались этапированными из разных тюрем, кроме Соловков, — из Орла, Полтавы, Казани, Мариинска, иркутского Александровского централа и других мест заключения. В 1939 году началось некоторое отрезвление. 1938 год промышленность и строительство закончили с плохими

показателями. Требовались рабочие руки, чтобы исправить положение. Всех арестантов решили перевести в категорию лагерников. Крупные объекты строительства, которыми ведал НКВД, в 1939 году получили рабсилу из тюрем строгого режима. В первую очередь укомплектовали лагеря Колымы, Воркуты и Норильска.

28 января 1969 г.

Суровая нынче зима. Метеорологи говорят, что больше ста лет не было на Урале таких низких температур. В ноябре 1968 года температура по Свердловской области опускалась до минус 30–40 и даже до 50 градусов. Вот и январь 1969 похож на ноябрь 1968.

Состав заключенных Норильского лагеря — это необоснованно репрессированные в 1936–1938 годах. Бытовиков и рецидивистов-уголовников было процентов 25–30. К осужденным по 58-й статье они относились враждебно. Понимали вздорность обвинений в политических преступлениях, но злорадствовали: «Хорошо с вами разделались Сталин и Ежов!..»

Из идеологических врагов нашей партии в лагере я встретил лишь одного — бывшего анархиста Нахамкина. Он как был по своим убеждениям анархистом, так и остался.

Среди необоснованно репрессированных первое слово хочется сказать о профессоре Н. Н. Урванцеве, который разведал норильское месторождение. Товарищи по лагерю шутили над ним: «Николай Николаевич! Нельзя ли закрыть Норильск, а открыть где-нибудь поюжнее?»

В отделе запуска проектов работали А. Гарри, Е. Драбкина, М. Нанейшвили со своим братом. Об Алексее Николаевиче Гарри хороший очерк написал репортер «Известий» Л. Кудреватых («Неделя» № 3, 19.1.1969): «В двадцатые и тридцатые годы имя Гарри стояло в первом ряду набирающей силу советской журналистики. Кольцов и Гарри!!! Перенеся все лишения тюрем и лагерей, Гарри дожил до реабилитации. В газете «Известия» появилось сообщение: «20 мая 1960 г. скончался член Союза писателей, активный участник гражданской войны, кавалер двух орденов Красной Звезды А. Н. Гарри».

Елизавета Драбкина — член КПСС с 1917 года, участница гражданской войны, журналистка и писательница, секретарь Я. М. Свердлова, дочь известных большевиков-подпольщиков. После допросов Е. Драбкина потеряла слух, но не потеряла жизнелюбия и веры в лучшее будущее. После 1953 года она почти шепотом, как говорят глухие, вселяла во всех надежду: «Теперь скоро будем

на свободе».

Мария Викторовна Нанейшвили, жена генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева, дочь старого большевика, секретаря Пермского окружкома ВКП(б) Нанейшвили, держала себя в лагерных условиях достойно. Когда ее арестовали в Москве, то осталась беспризорной малолетняя дочь. Ее взяли на воспитание мужественные люди. В 1950–1951 годах, когда проходила новая волна арестов, вспомнили, что дочь Косарева подросла. Ее арестовали и выслали в Красноярский край. Больших усилий стоило Марии Викторовне добиться, чтобы дочери разрешили отбывать ссылку в Норильске с матерью. Сейчас после реабилитации они живут в Москве.

Писатель Евгений Рябчиков тоже вкусил горького хлеба Норильска. О нем вспоминает авиаконструктор А. С. Яковлев в своей книге «Цель жизни». «Центральный аэроклуб стал одной из жертв «ежовщины». В связи с «делом» аэроклуба пострадал и сотрудник «Комсомольской правды» Евгений Рябчиков. Наши отношения с Женей Рябчиковым не ограничивались только служебными. В один из дней 1937 года он пригласил на свой день рождения. Собралось много журналистов, вечер прошел очень весело. Разошлись в первом часу ночи. В ту же ночь Женю арестовали как… врага народа». В конце войны Яковлев, тогда заместитель наркома авиационной промышленности, на приеме у Сталина встретился с одним из первых начальников строительства Норильского горно-металлургического комбината Завенягиным. Пользуясь хорошим настроением Сталина, Яковлев заговорил с Завенягиным о Рябчикове и попросил, если можно, пересмотреть его дело. Сталин обронил: «Посмотрите». Этого оказалось достаточным. Вскоре Рябчикова освободили.

Познакомился я с разбитым параличом грузином Мишей Амираджаби. Он — прокурор Закавказского военного округа. Когда начались необоснованные аресты среди военных, Амираджаби пытался воспользоваться правами прокурорского надзора для пресечения беззаконий, но все было тщетно. Тогда он выехал в Москву. Его внимательно выслушали, пообещав дать соответствующие указания. Когда на обратном пути он выходил из вагона, то был тут же на вокзале арестован. Инвалида Амираджаби затем «списали» на «материк», но дальше Дудинки он не уехал — умер.

Иосиф Иванович Заплавский, начальник шахты «Центральное-Ирмино» (в Донбассе), организовал рекорды Алексея Стаханова по добыче угля, которые прогремели на весь Советский Союз. Стаханов и сейчас гремит, а Заплавский как «враг народа» отбывал срок в Норильском комбинате-лагере.

Киностудия выпустила картину о вредительстве в Донбассе, в которой одной из колоритных фигур по вредительству и диверсии являлся Поплавский (читай Заплавский). Подходил к концу срок его приговора. Работал на угольной штольне «Каеркан» (на пол-пути между Норильском и Дудинкой). Одну неделю не дожил И. И. Заплавский до конца срока. Умер от разрыва сердца.

Александр Иванович Мильчаков, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, блестящий оратор, талантливый журналист, реабилитации в 1954 году дождался в норильском лагере.

В Норильске я встретил и бывшего ректора Свердловского горного института Петра Яковлевича Ярутина, которого привезли из Полтавской тюрьмы. Его я уже упоминал: в августе 1937 года в Свердловской внутренней тюрьме НКВД в камере № 28 мне досталась постель, которую мне «сдал» Ярутин.

15 марта 1969 г.

Суровая зима на исходе. Стало теплее, но эпидемия азиатского гриппа свирепствует. Три раза начинал болеть. Лежал в постели. Кололи. Как будто прошла болезнь. Выйдешь и — снова грипп. В начале марта ездил от обкома ВЛКСМ в командировку в Пышминский район (за Камышловом). Приехал и в третий раз слег. Давно не был в селах. Дышится легче. Приятно смотреть на деревянные дома с резными и ярко крашенными наличниками. Глаз радуется после бетонных и кирпичных стандартных строек.

22 июня 1941 года в проектном институте был нерабочий день. На территории второго лаготделения из динамика я услышал обращение Молотова в связи с нападением на Советский Союз гитлеровской Германии. Передача по лагерной трансляции была прервана. Несколько дней не работало радио. Все настороженно ждали развития событий: каким будет отношение к заключенным в связи с войной. Вспоминали 1937–1938 года, когда в лагерях работали «тройки» и «вносили исправления» в приговоры. Многие осужденные к тюремным и лагерным срокам решениями троек уничтожались. На Соловках называли гору Секирную, где проводились расстрелы, в Норильске — «Второй Норильск», в Дудинке — «акваторию Енисея».

Ждали провокаций. К счастью, события пошли по другому пути. Через несколько дней были восстановлены радиопередачи. Никаких секретов от заключенных о ходе военных событий не делалось. Отношение к нам стало даже человечнее. Среди заключенных началась массовая подача заявлений о направлении

на фронт для защиты Родины. Все знали, что если и удовлетворят просьбу, то начинать боевую жизнь придется в штрафных батальонах. Лишь рецидивисты-уголовники оставались в стороне. Подавшие заявления прошли медицинские экспертные комиссии. Через некоторое время было объявлено, что на фронт пошлют, когда потребуется, а пока надо работать в норильском комбинате, обеспечивающем фронт оборонным металлом.

Известен случай, когда из Норильского лагеря по настоянию военкома отправили на фронт по их просьбе несколько заключенных, работавших в геологоразведочной партии на Нижней Тунгуске. Один из мобилизованных, ученый Гумилев, сын Анны Ахматовой, писал потом в Норильск, что он попал в Москву «через Берлин». Тюремная одиссея Льва Николаевича Гумилева на этом не закончилась. Он вновь был арестован. И еще в марте 1956 года об его освобождении ходатайствовали мать Анна Андреевна Ахматова и писатель Александр Алексеевич Фадеев. (Александр Фадеев. Письма 1916–1956 гг. «Советский писатель», Москва, 1967. Стр. 421. Письмо от 2 марта 1956 года «В главную военную прокуратуру»).

Война меняла состав лагерного населения. Ежегодно с открытием навигации по Енисею привозили военнослужащих, осужденных военными трибуналами, и жителей оккупированных немцами районов (за связь с врагом). В те годы зачеты за добросовестную работу арестантов были отменены. А зря. Они ускорили бы строительство норильского комбината. Правда, два-три раза заключенным, занятым на инженерно-технических должностях и отличившимся на работе, сокращались сроки. За участие в проектировании горных объектов мне дважды снижали сроки — на полтора и на один год.

В феврале 1947 года меня вывели из-за проволоки. Срок закончен. Решил никуда из Норильска не выезжать, так как получил паспорт с ограничениями места жительства. Ограничения касались столиц республик, областных центров, крупных рабочих районов. Паспорт вроде «волчьего». Жене с двумя детьми я не советовал ехать в Заполярье. Она не стала слушать никаких доводов. Пришлось договориться с начальником проектного управления А. Е. Шарайко, чтоб ей послали вызов. В июле 1947 года Нина приехала, а с нею 12-летняя дочь Ира и 10-летний сын Боря, родившийся через десять дней после моего ареста, которого я еще не видел.

Жена, оставшаяся в свои 24 года «соломенной вдовой» с двумя детьми на руках, вела себя геройски и в 34 года. Не задумываясь, поехала в Заполярье и не считала это подвигом. Она поступила работать старшим техником в проектное управление.

Ребята стали учиться в школе. Вроде жизнь устраивалась.

После окончания войны режим в лагерях стал ужесточаться. Появились «каторжные командировки», в которые собирали всех заключенных, осужденных по 58-й статье и по воинским статьям. В основном в них были осужденные в военное время. На верхней одежде заключенных стали ставить номера. По приходе с работы узников закрывали в бараках на замок. Многих, осужденных в 1937 году и не закончивших срок наказания, отправляли досиживать в стационарные тюрьмы. Так, М. К. Степанченко перевели в Александровский централ под Иркутском. По окончании срока он снова приехал в Норильск, но уже как вольнонаемный.

Из проектного отдела меня перевели преподавателем специальных горных дисциплин в Норильский горно-металлургический техникум. В техникуме я встретился с очень интересным человеком — Н. М. Федоровским. Николай Михайлович член КПСС с 1904 года — крупный ученый-минеролог, член-корреспондент АН СССР. Он был одним из основателей Московской горной академии. По указанию Ленина Николай Михайлович ездил в Берлин для приобретения научной литературы, активно переписывался с Эйнштейном, дружил с Д. Е. Ферсманом. Репрессировали Федоровского *в* 1937 году. В 1949–1950 годах преподавал в норильском горном техникуме. В 1950 году его отстранили от преподавания и поместили в режимный лагерь (горлаг). После реабилитации дочь увезла его, разбитого параличом, в Москву. В 1958 году «Правда» поместила траурное извещение ЦК КПСС о смерти Николая Михайловича.

Третьим начальником норильского комбината после А. А. Панюкова был инженер В. С. Зверев, выпускник Орджоникидзевского института. Как начальник он был деятельный, инициативный. Ожесточение режима шло, по-видимому, помимо него. Он был бессилен что-либо предпринять. Большую роль в жизни лагеря стал играть политотдел, который возглавлял Кузнецов, участник пьяных оргий. Ему было безразлично развитие комбината, лишь бы режим соблюдался. В 1950 году по указанию МВД было решено «очистить» комбинат от бывших заключенных-специалистов. Из нашего техникума всех преподавателей уволили, предложили покинуть территорию комбината. Жену, как специалиста, работающего в проектном отделе, оставили в Норильске.

Куда ехать с «волчьим» билетом-паспортом? С Е. К. Красницким мы решили вылететь самолетом в Красноярск. Через 13 лет я впервые оставлял Заполярье. Первая остановка с ночевкой в Туруханске. Осенняя тайга после тундры казалась

сказочным зрелищем. Полузабытый воробей выводил своим чириканьем столько рулад, что казался соловьем.

В объединении «Красноярскуголь» нам посоветовали ехать в трест «Канскуголь». Управляющий трестом Попов обрадовался притоку специалистов. Мне предложили работать старшим инженером-экономистом. Через месяц получил двухкомнатную квартиру. Но, к счастью, не успел вызвать семью. Как я и чувствовал, органы МВД играли с нами, как кошка с мышками.

В октябре 1950 года приехавшие специалисты стали исчезать. Однажды ко мне на работе подошел «некто» в штатском, попросил пройти в соседнюю комнату и предъявил ордер на арест. Пошли на квартиру, я взял все, что могло пригодиться и… снова тюрьма. Внутренняя тюрьма Красноярского краевого управления госбезопасности.

Началась комедия с оформлением дела, состряпанного в 1937 году, дела, по которому я был осужден и уже отбыл срок. Нормы уголовно-процессуального кодекса, которые следовало выполнять в 1937 году, начали оформлять с большим усердием в 1950–1951 годах. В следственную комнату приходил военный прокурор в чине подполковника или полковника и в его присутствии предъявлялось обвинение. Стыдно было за этих прокуроров в больших чинах. В 1923 году и я был прокурором по первому Ленинскому декрету. А кем были они?

Дело вел следователь майор Борисов, человек неглупый, любящий советскую литературу. Он с большим удовольствием в своем кабинете вел разговор о творчестве Горького, об отдельных его произведениях. На мое недоумение по поводу новой судебной комедии Борисов отвечал, что на этот счет есть указания свыше. «Неужели вся ваша энергия уходит на это?» — спрашивал я. Через некоторое время, опять-таки в присутствии военного прокурора, мне было объявлено об окончании «следствия».

За время пребывания в тюрьмах, лагере и ссылке я встретил лишь в Красноярской тюрьме одного (только одного!) ренегата из арестованных в 1937 году. В момент ареста он, инженер-текстильщик из Москвы, имел билет коммуниста. Человек этот вращался в руководящих сферах. После тюремного заключения по приговору работал на канской текстильной фабрике. Каких только гнусностей не услышал я от него и по адресу компартии, и даже по адресу Ленина. Как он восхвалял буржуазный мир! И все только потому, что пострадал. Какое счастье, что такой выродок — редкое явление.

После длительного пребывания в тюрьме в марте 1951 года мне объявили постановление Особого совещания при МГБ СССР от 13 января 1951 года о ссылке в отдаленные районы без

указания срока. Я попросил направить меня в Енисейск. Мне выдали проходное свидетельство и предложили добираться «своим ходом».

Денег на самолет нет. Ехать попутной грузовой машиной не мог — нет валенок. Даже шапку за сутки до ареста у меня украли. Зашел на знакомую квартиру, где встретил жену Красницкого — Екатерину Петровну. Она дала мне валенки и шапку, и я поехал в Енисейск в кузове грузовой машины. Стояли сильные морозы. К тому же когда до Енисейска оставалось шесть километров, буран окончательно перемел дорогу. Чтобы не замерзнуть, я эти шесть километров одолел пешком. В гостинице под несколькими одеялами отогрелся и заснул. На другой день познакомился с одним ссыльным рабочим, который арендовал дом из двух комнат. Одну он сдал мне.

Оказалось, что устроиться ссыльному на работу было почти невозможно. Куда бы я ни обращался, в приеме отказывали. Настроение — хуже некуда. Когда выходил на берег Енисея, то появлялись мысли: не воспользоваться ли услугами проруби…

В комендатуре, где ссыльные отмечались два раза в месяц, висел указ за подписью Молотова, что за побег или его попытку виновные подвергались тюремному заключению на срок до 25 лет. А побегом считался выход за околицу населенного пункта.

Но все же мне повезло. Я устроился в стройконтору № 1 норильского комбината, которая достраивала аэродромы на трассе Норильск — Красноярск. Стал мастером земляных работ на летном поле. Мое продвижение по службе было стремительным: вскоре старший мастер, а затем и старший прораб.

Проектный отдел комбината, узнав о моей судьбе, добился разрешения начальника комбината о моем возвращении в Норильск. Жена взяла отпуск и приехала с сыном в Енисейск, затем съездила в Красноярск, чтобы ускорить решение моего перевода в органах госбезопасности. Когда в сентябре 1951 года я наконец получил возможность выехать в Норильск, то до Дудинки шли уже последние пароходы. Мы с трудом сели на один из них, без места, спали на полу палубы. От Дудинки до Норильска ехали на открытой платформе узкоколейки. Дождь. Снег. Ветер. Холод. Жена в результате заболела эксудативным плевритом. Врач-рентгенолог Елена Васильевна Зееман спасла ее от рокового конца.

1951–1953 годы я работал в проектной конторе комбината. Отношение к ссыльным ухудшалось. Ходили слухи, что они будут переведены на лагерное положение, а семьи выселят. Шла ставка на уничтожение остатков репрессированных в 1937–1938 годах. А

необоснованные репрессии продолжались: «ленинградское дело», «дело врачей».

Март 1953 года. Из выступлений Молотова, Маленкова и Берии над гробом Сталина явствовало: надеяться на изменение политики необоснованных репрессий оснований нет. Амнистия 1953 года, выработанная Берией для уголовного элемента, не относилась к осужденным по 58-й статье. По стране прошла волна убийств, ограблений и прочих преступлений. Продолжалось это до тех пор, пока облагодетельствованные амнистией преступники вновь не были осуждены.

За 15 лет после приговора Военной Коллегии десятки раз я обращался в Центральную военную прокуратуру, Военную Коллегию Верховного Суда СССР, к Генеральному прокурору СССР, в центральные партийные и советские органы с заявлением об отмене неправосудного приговора. Каждый раз получал стандартный ответ: «Оснований для пересмотра нет». Снова и снова я писал, приводя доводы, которые мне казались убедительными, но ответы не менялись. Во второй половине 1953 года написал длиннейшую обоснованную жалобу, с указанием фактов, которые, должны выяснить органы суда и следствия, чтобы установить мою невиновность. И вот косвенным образом я узнаю, что по моей последней жалобе производится расследование. Допрашиваются те, на которых я ссылался. В 1954 году жена была в Москве, в Центральной военной прокуратуре, и там ей сказали, что по делу ведется расследование и можно надеяться на положительное решение. Военная прокуратура и тут оказалась неискренней: когда давали жене эту неопределенную справку, Военная Коллегия Верховного Суда СССР уже отменила приговор. Вот текст этого долгожданного акта: «Дело по обвинению Афанасьева Петра Михайловича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 25 августа 1954 года. Приговор Военной Коллегии от 9 августа 1938 года и Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 13 января 1951 года в отношении Афанасьева П. М. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело за отсутствием состава преступления прекращено».

Потребовалось 17 лет, чтобы сказать, что в моих действиях не было состава преступления! Но и то — лучше поздно, чем никогда.

Послал заявление в ЦК КПСС о моем восстановлении в партии. Получил письмо с просьбой прибыть в Свердловский обком партии. Руководство комбината при содействии начальника главка А. А. Миронова оформило командировку для поездки на Урал.

Работник обкома рассказал, что он еле нашел материал о моем исключении из партии в Ленинском райкоме. Постановление датировано ноябрем 1937 года. Целых три месяца я сидел в тюрьме и числился членом партии. В декабре 1954 года я присутствовал на заседании бюро Свердловского обкома КПСС, решением которого восстановлен в рядах партии с прежним стажем.

Съездил на Дегтярку, в Левиху и на родину в Таватуй. Знакомые встречали, как выходца с того света. Бедная мама не дождалась моего возвращения.

Новый, 1955 год встречал в Норильске с женой. Ира училась в Ленинградском университете, Боря — в Ленинградском политехническом институте.

Изъятые при аресте в 1937 году партийные и советские документы и реликвии получить не удалось. Их уничтожили.

Май 1971 года.

После всех злоключений мы с женою уже более 15 лет живем в Свердловске. Стареем. Радуемся жизни детей.

10 октября 1971 года стукнет 75 лет. К закату жизни годы мчатся с космической скоростью. Теперь дети, и Боря и Ира, оба кандидаты наук. Боре можно собирать материал для докторской диссертации. Что он, кажется, и делает.

Живем с женой сейчас в нормальных условиях: двухкомнатная благоустроенная квартира. Было бы здоровье. А друзей детства, просто хороших знакомых становится все меньше и меньше. Умер Анатолий Иванович Парамонов, член КПСС с 1907 года. Ушли из жизни Макаровы Владимир Иванович и Юлия Васильевна, друзья по норильским скитаниям. Умерла сестра Павла. Моложе меня на четыре года. Остались мы вдвоем с братом Алексеем. Он младше меня на 8 лет.

Период богат политическими событиями. В апреле 1970 года весь мир отмечал столетие со дня рождения В. И. Ленина. Даже враги мало злобствовали.

24-й съезд КПСС подтвердил, что ленинизм является основой движения вперед к коммунистическому обществу. Не оправдались слухи, что будет «реабилитирован» Сталин. К преступному прошлому возврата нет.

В октябре 1971 года на торжественном собрании в институте «Унипромедь» коммунисты, сотрудники отмечали 75-летие П. М. Афанасьева. Говорили много хорошего. А одно короткое выступление коснулось сердца каждого. Поднялся

невысокий седой человек.

— Мы вместе были в Норильске много лет. Его постоянно выбирали старшим среди коллег-заключенных. Потому что не было среди нас честнее и прямее человека… А вы представляете, что такое быть старшим в лагере?..

Он хотел сказать еще что-то, но не смог. Сел, опустив голову, чтобы окружающие не видели слез. Это был бывший ректор горного института П. Я. Ярутин.

О революции, о первых годах Советской власти и рождении комсомола, об индустриализации, о партии рассказывал П. М. Афанасьев молодежи. Он любил бывать среди тех, кому строить будущее. И никто из слушателей не представлял, что Петр Михайлович пострадал в годы сталинизма. Записки помогут восполнить пробел, понять, как это было с Афанасьевым, с другими преданными партии и Родине людьми, подвергшимся репрессиям. Да, это было.

Петр Михайлович один из немногих, кто за большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи занесен в областную книгу «Ветеранов-активистов» Свердловского обкома ВЛКСМ.

В 1980 году его не стало.

Публикацию подготовили Н. М. АФАНАСЬЕВА м А. Г. ШЕМЕТИЛО